

Глава 32

В безработицу (1985—1986)

Последнее письмо Белля.
Самоликвидация движения «Третий путь».
Историческая неизбежность
кооперативного социализма

Летом 1985 года произошло печальное событие — умер Генрих Белль. В начале того года я послал Беллю свою только что вышедшую книгу «Самоуправление», написал об усилении блокады по отношению ко мне в эмиграции и приложил проект журнала под условным названием «Самоуправление и демократия». Я не оставлял надежды на этот проект.

Белль переслал мой проект Вилли Брандту, и я через некоторое время получил письмо из канцелярии Брандта о том, что проект будет рассмотрен. На этом дело и кончилось.

А 29 мая 1985 года я получил письмо от Белля.

«Дорогой господин Белоцерковский,
простите, что я так поздно благодарю вас за вашу книгу и письмо. Я не хочу наводить на вас скуку перечислением причин этой задержки, их так много. Я не смог сделать ничего больше, кроме как рекомендовать книгу дальше (так как я не знаю русского). Многочисленные и зачастую неприятные раздоры среди советских эмигрантов становятся для меня слишком запутанными. Сборник, который вы ранее издали, еще совместно с Эткингом, и который очень редкостен, находится в моей «Хандбиблиотеке» (библиотека настольных книг. — В. Б.). Он для меня очень ценен. Но если госпожа Синявская не хочет рисковать опубликовать ваши статьи, то кто может это вообще.

Я вновь и вновь пытался призывать СПД и профсоюзы сделать что-нибудь для демократически ориентированных эмигрантов, предоставить им форум и т. д. — но безуспешно! Должен вам признаться, что я в этом пункте спасовал. Европейские левые в целом в этом пункте провалились, я имею в виду организованных левых. Я должен просить вас набраться дальнейшего терпения — что мне очень трудно, но у меня нет ничего другого. Может быть, все-таки что-нибудь да произойдет.

Мои вам наилучшие пожелания и
дружеские приветы
Генрих Белль».

Через месяц с небольшим я узнал о смерти Белля. Мы с Анитой направили его семье телеграмму:

«Примите наше глубокое соболезнование. Для нас, людей из России, Генрих Белль был не только большим писателем, он принадлежал к тому «национальному меньшинству», которое представляют вместе с ним Альберт Эйнштейн, Альберт Швейцер и Андрей Сахаров».

(Эйнштейна и Швейцера, напомним, Сахаров в своей автобиографии упоминает как людей наиболее близких ему по мировоззрению и повлиявших на него.)

В письмах Белля поражает сходство с тональностью Сахарова. Та же мягкость, доброта, открытость. Раньше я видел такое сходство Сахарова с Короленко, Чеховым, Томасом Манном... И со временем я понял, что это сходство существует просто между всеми по-настоящему добрыми людьми, или «просто» — людьми. В отличие от нелюдей.

Признаюсь, что меня уже давно посетила одна гипотеза, о которой я никогда не писал: уж слишком выглядит ненаучно. Но она все время подвертывается мне на глаза, и в мемуарной книге я, пожалуй, рискну о ней поведать.

Так вот, по этой гипотезе «гомосапиенсов» можно разделить на два вида — на людей и нелюдей (антилюдей, псевдолюдей...). Особям первого вида чужда возможность наступить на другого человека ради достижения собственных интересов и целей, а для нелюдей — еще как возможно! Они не чувствуют чужой боли. Но граница между этими двумя видами размывается по той причине, что среди людей есть слабые волею и умом индивиды, а среди нелюдей — сильные и умные, и последние способны удерживаться от того, чтобы наступать на ближних из-за второстепенных для них целей и интересов. Слабые же люди в условиях господства жестоких, антилюдских нравов могут наступить на ближнего, поддаваясь господствующим нравам. Но что тут интересно и важно. Всмотриваясь в особей обоих видов, я замечал, что слабые люди, наступив на ближнего, потом очень от этого страдают. В острых, тяжелых случаях просто не могут этого перенести и что-то делают с собой, вплоть до ухода из жизни. А нелюди, наоборот, страдают, когда сдерживают себя, иногда очень страдают! Разве только из жизни не уходят.

Такая вот гипотеза, ненаучная, часто приходит на ум при виде того, что происходит в жизни. Делит тот же Томас Манн «человеков» на людей Света и Тьмы.

Что же касается Генриха Белля, то мне хотелось бы еще рассказать об одной телевизионной передаче (по немецкому ТВ), в котором вместе с Беллем участвовал Лев Копелев.

Напомню, что Копелева очень уважали и уважают в Германии за то, что он в конце войны пытался протестовать против издевательств российских военных над мирным немецким населением в Восточной Пруссии. Копелев там находился в качестве военного переводчика и угодил в сталинские лагеря за защиту немцев. Про Белля напомню, что он воевал в России, был младшим офицером.

Так вот журналист, который вел беседу Белля с Копелевым, спросил вдруг последнего, что бы он сделал, во время войны, — если бы в плен к советским войскам попал Белль, и Копелев участвовал в его допросе? Копелев вздохнул и развел руками... Тогда ведущий с тем же вопросом обратился к Беллю, и Белль сказал, что он бы, поняв с кем имеет дело, организовал бы Копелеву побег!

— Как так? — удивился ведущий. — И вы не побоялись бы ваших коллег — офицеров? — Нет, ответил, Белль, все офицеры, с которыми я тогда служил, думали так же, как и я, и так же отрицательно относились к нацистскому режиму. Они бы мне помогли и меня не выдали.

И Беллю нельзя не верить. И я специально — в пику нашим крутым патриотам! — поместил в фотоальбом книги фотографию Белля, сделанную на Восточном фронте. Это самая любимая моя фотография Белля. Перед тобой офицер вермахта, а глаза выдают его! Как ужасно, что такие люди умирают!

Произошло в те годы и еще одно, наряду со смертью Белля, печальное для меня событие — самоликвидация движения «Третий путь».

Не было, видимо, достаточного отклика в обществе, притока новых сил, расширения — необходимых условий для превращения движения в политическую партию, способную участвовать в борьбе за власть. Безусловно, сказалось тут и подавление «Солидарности», которая уже близка была к победе — к установлению в целой стране строя трудового самоуправления, кооперативного социализма. Сторонники такого строя в Западной Европе очень надеялись на победу «Солидарности» — она привлекла бы внимание широких слоев западного общества к их идеям, да и вообще души людей — сосуды сообщающиеся!

Но случилось в тот период и небольшое приятное событие: меня пригласили войти в число внештатных научных сотрудников Интернационального института самоуправления и самоорганизации (IIS), штаб-квартира которого тогда находилась в Германии, а сейчас в США, в университете штата Огайо. Этот институт проводит ежегодные конференции в разных странах мира (в 1996 году такая конференция проходила в Москве), издает свои бюллетени и материалы. Существует он за счет платных консультаций для фирм, принадлежащих работникам или переходящих в их собственность.

Историческая неизбежность социализма

В период безработицы я, разумеется, много времени проводил в моем «параллельном мире». В частности написал статью об исторической неизбежности социализма, настоящего, демократического.

Во второй части книги (в главе 7) я рассказывал о психологическом обосновании такой неизбежности. Однако подобное обоснование — дело, как говорят в математике, необходимое, но не достаточное, и я все время продолжал думать и об историческом обосновании. Информация и впечатления, приходившие ко мне на Западе, помогли продумать этот вопрос.

Ход моих рассуждений был примерно следующим.

Чтобы исследовать вопрос, какой строй должен прийти на смену капитализму и госсоциализму, и убедиться в неизбежности этой смены, надо проследить две важнейшие линии: освобождения труда и развития демократии.

На заре цивилизации господствовал рабовладельческий уклад, когда и раб, и его руки, и плоды его труда были собственностью рабовладельца. Уклад этот существовал веками — и казался современникам вечным и неизменным. Однако его сменил феодализм, при котором собственностью феодала, владельца средств производства (тогда это была главным образом земля), стали «только» рабочие руки и плоды труда крепостных работников. (В России феодализм был ближе к рабству.) Затем пришел капитализм, когда хозяину средств производства стали принадлежать лишь плоды труда работников (наемных). Таким образом, несмотря на все зигзаги истории, мы видим линию постепенного освобождения человека и его труда по мере развития сознания людей и производительных сил: раб — крепостной — наемный работник...

И не существует и существовать не может в природе причин, по которым этот процесс освобождения может навсегда остановиться на нынешней стадии и не сложится в конце концов строй, когда и плоды труда станут собственностью их производителей, что будет означать ли-

квидацию наемного труда — последней стадии рабства — и полное освобождение человека. У истинно свободного человека никто не может отобрать продукт его труда. Продукт труда должен быть и будет неприкосновенной частной собственностью его создателя, кем бы он ни был по социальному положению.

Исчез рынок рабов, исчезнет и рынок труда, рабочих рук. У Станислава Лема прекрасно сказано: «О чем главная мечта раба? — О рынке, на котором он мог бы купить себе доброго хозяина». И подобные мечты потеряют «свою сладость».

Обращаясь в агенство по трудоустройству, человек будет искать не работодателя, который обещает больше платить за его работу, а компанию работников, предлагающую лучшие условия совладения капиталом, средствами производства.

Ведь работники, владеющие продукцией своего труда, неизбежно будут становиться и совладельцами капитала. Ибо тот, кто владеет продукцией, будет владеть и средствами производства, так как только у него есть деньги для поддержания и обновления этих средств.

И в результате сложится форма собственности, которую можно назвать групповой трудовой собственностью, когда все постоянные работники предприятия/учреждения, и только они, являются его владельцами. По принципу: кто не работает, тот не владеет! Этот принцип, в отличие от феодально-социалистического «кто не работает, тот не ест», является сугубо правовым принципом, проистекающим, в свою очередь, из священного права собственности производителя на продукт своего труда.

Таким образом, намеченная выше линия развития будет выглядеть следующим образом: раб — крепостной — наемный работник — работник-совладелец (средств и продуктов производства).

Сходную линию, шел я дальше, можно проследить и в развитии демократии. Демократия для узкой группы — олигархии, потом — для всех имущих граждан (цензовая демократия), потом — для всего мужского населения, затем — и для женщин; т. е. распространение демократических прав вширь на все общество. Как и права собственности на продукцию труда!

И мы вновь не найдем в природе причин, по которым бы это развитие должно остановиться. И следующий этап — это вступление демократии внутрь трудовых ячеек общества. (Развитие вширь уже исчерпано!) А именно — выборность и разделение власти внутри этих ячеек: совет трудового коллектива — законодательная власть, администрация — исполнительная, ревизионно-контрольные комиссии — судебная. Иными словами, это будет означать создание системы демократического самоуправления. Что возможно, конечно, лишь с одновременным укоренением групповой трудовой формы собственности на средства и продукцию производства. Наемный работник не может иметь права голоса в делах предприятия и в распределении его доходов, в частности.

Обе линии приводят к двум фундаментальным правам истинно свободного человека: *к праву решающего голоса во всех касающихся его делах, во всех структурах, членом которых он состоит, от трудовой ячейки до государства; и к праву собственности на продукт своего труда.*

Оба эти права, как я убежден, должны лечь в основу конституции свободной России и любой другой свободной страны. Права эти, кроме всего прочего, призваны освящать и регулировать трансформацию капиталистического уклада в социалистический. Концепцию этих прав я считаю одним из своих важнейших вкладов в теорию демократического социализма, наряду с разработкой механизма расширенного воспроизводства в социалистическом обществе.

Концепцию «двух прав» (говоря немножко по-китайски!) я опубликовал в книге «Продолжение истории: синтез социализма и капитализма», вышедшей уже в Москве. В эмиграции я ее опубликовать не смог, лишь говорил о ней в своих передачах по «Свободе».

Важным для меня событием в безработный период было, как я уже упоминал, мое сотрудничество с одним из ведущих советологов и социологов Западной Германии Вольфгангом Леонгардом, автором всемирно известной мемуарной книги «Революция пожирает своих детей». В этой книге он рассказывает историю своей неординарной жизни. Его родители, немецкие коммунисты, бежали от нацистов в Советский Союз и там благополучно угодили в сталинские лагеря, а Вольфганг — в специальный интернат для детей арестованных в СССР иностранных коммунистов. В войну он работал на радио «Свободная Германия», а после войны в команде Ульбрихта переехал в Восточную Германию устанавливать там «коммунистический режим». Разочаровавшись в деятельности немецких коммунистов, Леонгард в конце 40-х годов бежал в Югославию, чтобы помочь властям Тито строить новый социализм. (Леонгард был, наверное, первым в послевоенное время высокопоставленным беглецом из соцлагеря!) Но и в югославском социализме он со временем разочаровался и переехал в Западную Германию, где стал работать в области социологии и в издательском бизнесе. Вместе с женой, Элке Леонгард, доктором философии и депутатом бундестага от социал-демократической партии, вел в издательстве «Хердер» серию под рубрикой «Европейские свидетели эпохи». В этой серии супруги Леонгард издали, между прочим, мемуарную книгу Евгения Гнедина, сына Александра Парвуса и бывшего советского дипломата, а затем и узника ГУЛАГа.

Я предложил Леонгардам издать в их серии и мое «Самоуправление». Книга их заинтересовала, и они решили ее перевести и издать, и со своей стороны предложили мне написать для «Хердера» еще и мемуарную книгу и в ней, кроме всего прочего, рассказать, как зарождались и развивались мои идеи синтезного социализма. Для многих они в мемуарном изложении, с историей их зарождения и развития, говорил мне Леонгард, будут более понятны и более убедительны, нежели в чисто теоретическом виде. Я, естественно, согласился на это предложение.

Я подготовил для немецкого издания «Самоуправление» и засел за мемуары. «Самоуправление» вышло в свет у «Хердера» в 1989 году под названием «Россия перед выбором: самоуправление или тоталитаризм?» в формате карманной книги (Taschenbuch), т. е. весьма большим тиражом.

Мемуарная книга, которую я успел написать за время своей безработицы, очень понравилась Леонгарду и была в его бюро уже переведена на немецкий, но неожиданно распалось (по не известной мне причине) сотрудничество Леонгарда с «Хердером», и мои мемуары остались не изданными. (Леонгард свою издательскую деятельность не возобновил.) Я пытался пристроить мемуары в какое-нибудь другое немецкое издательство, но безуспешно, хотя отзывы рецензентов везде были очень хорошими. Для коммерческого успеха мемуарной книги необходима большая известность автора, да и к Советской России и людям оттуда интерес тогда на Западе очень упал.